

нокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 59 – 69.

Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. – Владивосток: Дальпресс, 1993. – 68 с.

Шавкунов Э.В., Болдин И.В. Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчжэней // СЭ. – 1976. – № 2. – С. 118 – 124.

Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 80 – 95.

Материал поступил в редколлегию 28.05.01 г.

ДРЕВНИЙ МЕТАЛЛ ИЗ СВАТИЛИЩ ОБСКИХ УГРОВ (новые находки)

Введение

Во второй половине XX в. в действующих святилищах хантов и манси было обнаружено несколько крупных бронзовых изделий эпохи средневековья [Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984; Гемуев, Сагалаев, 1986; Тыликова, Бауло, 2001]. Находки не только позволили исследователям увидеть способы применения древних атрибутов в современной религиозно-обрядовой практике коренных народов Западной Сибири, но и внесли большую ясность в вопрос об изначальном функциональном назначении, которое придавали бронзовым антропо- и зооморфным изображениям их создатели.

Данная статья имеет целью ввести в научный оборот целый ряд средневековых бронзовых и серебряных артефактов, обнаруженных в ходе этнографических экспедиций последних лет в Нижнее Приобье (Березовский, Белоярский и Шурышкарский районы Тюменской обл.).

Домашние святилища обских угров

Представляемые древние бронзовые и серебряные изделия сохранились в составе атрибутики домашних святилищ хантов и манси. Принципы размещения “святых” вещей в определенных местах дома были подробно рассмотрены И.Н. Гемуевым [1990] на примере северной группы манси. В соответствии с трехчленным строением вселенной жилище семьи делилось на три сферы в вертикальной плоскости. Чердак дома, символизируя область Верхнего мира, был местом высшей сакральной значимости. Изображения семейных духов-покровителей и другие предметы культовой атрибутики размещали здесь

вблизи фронтона, являвшегося как бы продолжением *мула* – стены, противоположной входу в жилище. Во времена, когда мансийские жилища строили без чердаков, сакральную функцию выполняли специальные “полки духов”, примыкавшие к *мулу*. Пространство около *мула* в жилище и вне дома было запретно для женщин. Снаружи перед *мулом* вкапывали столб для привязывания жертвенного животного. Еще раньше культовое место находилось за пределами дома, в некотором отдалении от него, напротив южной стороны – *мула*. С появлением крупных поселков с большой численностью людей (часто иной национальности) и домашних животных исчезала “чистая земля”, пригодная для обитания богов и духов, “чистое место” стали создавать искусственно, используя для этого потолок и чердачное пространство. Статус чердака определялся тем, что женщине, как существу “нечистому”, запрещалось бывать там. Мужчине на чердаке, месте обитания богов и духов, было позволено лишь совершать умиловительные обряды (кормление, одевание и переодевание духов, добавление к имеющимся у них “богатствам” новых подарков и т.д.). Таким образом, в вертикальной плоскости в жилище манси выделяются три зоны – верхняя (чердак и соответствующая ему “святая” полка), жилое человеческое пространство и область Нижнего мира (под полом) [Там же, с. 13 – 20].

Подобную структуру имеют и жилища северных (в нашем случае березовских, сынских и нижеобских) хантов. В настоящее время они представляют собой бревенчатые избы русской постройки. Лишь в ряде поселков (Юхан-курт на р. Малая Обь, Вытвозгорт на р. Сыне, Вершина Войкара на р. Войкар) сохраняются единицы уже нежилых (“старинных”) домов, в которых отсутствуют потолки и вдоль стен раз-

мешены нары. В них “святые” сундуки стоят на верхних нарах у задней стены. В современных домах семейные фетиши хранятся одновременно в двух местах. Первое расположено в жилой комнате, где в правом (реже левом) углу на высоте около 1,5 м от пола делается т.н. святая полка. На ней, укрытые занавеской, стоят небольшие сундучки или чемоданы, берестяные коробки и даже стеклянные банки, в которых находится семейная атрибутика и изображения духов-покровителей. Эта священная половина дома именуется *мул тахи*, а приклад для духов – *ел пунты от* [Лапина, 1998, с. 103, 105]. Второе место хранения ритуальной атрибутики – чердачное помещение. Здесь накапливаются вещи, принадлежавшие предыдущим поколениям обитателей дома. Сундуки, ящики и чемоданы устанавливают на дощатом помосте у задней стены. На пересекающих помещения перекладинах вывешивают шкуры принесенных в жертву животных. Лишь в праздничные дни и при проведении обрядов мужчины имеют право вынимать священные реликвии. В иной ситуации прикосновение к ним влечет наказание со стороны высших сил – человек может получить ранение в руку или остаться без пальцев [Там же, с. 20, 70].

Изготовление “святого” сундука (ящика) было достаточно сложной процедурой. Необходимость этой работы нередко определял шаман в процессе камлания. Если не было возможности приобрести фабричный сундук, то ящик делал мужчина – хозяин дома. Он же выстругивал стрелу, которую клали поверх крышки. Первые атрибуты для хранения внутри сундука (жертвенные покрывала, халаты для медвежьих плясок и духов-покровителей, подарки богам) изготавливала пожилая женщина. Если в поселке не было умелых людей, их привозили из соседних мест. По словам жительницы пос. Ванзеват Е.Д. Молдановой, “простой человек за это даже не сядет. Не умеешь – так криво сделаешь, тогда и в доме, и у детей твоих плохо будет, могут умереть они”. Когда ящик “заканчивали”, устраивали жертвоприношение. На спину лошади или оленя клали платки, халат, покрывала, а на них ставили ящик. Перед тем как забить животное, ящик снимали и ставили на улице рядом с тем местом, где накрывали стол. После жертвоприношения ящик относили в дом в “святой” угол.

У березовских хантов зафиксирована достаточно стойкая традиция хранить в “святом” сундуке или чемодане подарки, поднесенные лишь одному духу-покровителю – *Ай-ас-ики* “Малой Оби старику”, *Ем-вож-ики* “Священного города старику”, “деревенскому богу” и пр. У ближайших соседей хантов – северных манси – подарки богам чаще складывали в общий сундук.

Центральным событием в функционировании домашнего святилища является жертвоприношение для умилостивления богов и духов-покровителей, в ходе

которого молят о даровании благополучия членам семьи. Вынутые из стоящих в “святом” углу чемоданов и сундучков халаты и платки хозяева дома развешивают на гвозди, вбитые под балки потолка, и оставляют в таком виде на три дня. Жертвоприношение традиционно происходит около задней стены дома, где установлен небольшой столб. Однако в последнее время в ряде поселков животное чаще привязывают к бревну, продев поводок через отверстие в венце. Таким образом специально подчеркивается, что животное приносится в жертву ради благополучия живущих в данном доме людей.

На время чтения молитвы на спине животного раскладывают часть платков или халатов и просят, чтобы бог принял жертву, спас от беды, сохранил детей и внуков. Чемоданы или сундуки со “святыми” вещами устанавливают на маленькие деревянные санки, открывают крышку. Рядом ставят рюмку водки и (после разделки туши и варки) большие чашки с мясом. Жертвенную еду ставят перед сундуками на чердаке и внутри дома на “святую” полку. Поднесенные во время жертвоприношения платки после ритуала в течение двух дней висят дома, после чего их кладут в сундук, стоящий на чердаке.

Поиски кладов

В домашних святилищах хантов и манси в качестве культовых атрибутов нередко выступают образцы древнего бронзолитейного и серебряного производства – фигурки людей и животных. Тем не менее их присутствие среди современных вещей порой неожиданно для исследователя. Далеко не всегда удается выяснить, как эти предметы появились в данном жилище, какие обстоятельства сопровождали их обнаружение. Причина неинформированности хозяев во многом обусловлена традицией. Дело в том, что в домашних святилищах вещи накапливались в течение многих поколений, при этом сын мог увидеть атрибуты отца лишь после его смерти. Чаще всего люди продолжали класть новые дары духам-покровителям поверх поднесенных ранее, не интересуясь, что находится на дне сундука. Неукоснительно соблюдалось общепринятое правило: “Не бери (не вынимай) того, что не тобой положено”. Поэтому обнаружение в таких сундуках образцов древнего литейного производства часто вызывает удивление как у этнографа, так и у присутствующего при этом хозяина святилища. К счастью, информация о находке бронзовых и серебряных фигурок, которые до сих пор продолжают играть роль в обрядовой практике, сохраняется. Чаще всего древнюю бронзу находили в береговых обвалах или на местах древних поселений. В разных рассказах эти события относятся к концу XVIII в., второй половине XIX в. и к 30-м гг. XX в. Последняя дата,

очевидно, связана с активными действиями советской власти против местных религиозных культов и шаманизма. Одни люди прятали “святые” атрибуты в тайге или на болоте, другие (весьма скоро) их там же и находили.

Отношение к таким находкам определялось убеждением, что эти предметы некогда были изготовлены легендарными богатырями-предками. Путешествовавший по Западной Сибири в конце XIX в. финский ученый У.Т. Сирелиус записал сообщение своего информатора с Васюгана о том, что “остяки раньше сами изготавливали железо, т.е. латунь... Инструменты для изготовления у них будто бы отнял царь... По рассказам старика, на берегу р. Коймеган находили предметы из латуни, изготовленные старыми, некрещенными остяками, а именно лошадь, полую внутри, с четырьмя ногами... Когда кто-нибудь такое находил, то выбрасывал, ибо опасались, что нашедший умрет, если принесет эти предметы домой” [2001, с. 107].

Иное отношение к судьбе находок было у манси, о чем говорится в рассказах, записанных А. Каннисто в начале XX в. Так, на Северной Сосьве клад (укрытые сокровища) узнавали по горящему огоньку, и в этот огонь полагалось прыгнуть. Если же у огня сидел старик-сторож, его нужно было сбить с места ударом руки слева направо, тогда огонек угасал, старик валился на землю, и одновременно с этим открывалась крышка клада. Денег можно было взять только горсть, но и с пустыми руками возвращаться не полагалось. Остальные деньги забирали на следующий день. После этого устраивали жертвоприношение: часть мяса съедали на месте клада, остатки уносили домой. Кости собирали в шкуру жертвенного животного и клали в яму, где был найден клад. В д. Шайтанской клад был зарыт на глубину семисажженного поводка для оленей. К нему вела “денежная лестница”, возле клада стояли золотые стулья и медный котел, заполненный до краев деньгами и воинскими доспехами. Чтобы получить сокровище, необходимо было принести человеческую жертву – девочку 7 – 8 лет или мальчика. Им отрезали кончик пальца, укалывали иглой голень ноги и пускали бежать; кровавые следы приводили к кладу. Еще один клад был обнаружен у юрт Тоболдиных (низовья Северной Сосьвы). По словам информаторов, однажды старик и старуха увидели горящий огонь. Он почти погас, когда старуха стала бить по нему топором. Старик сломал крючковатую березу, и они вдвоем вытащили медный котел, полный денег. Когда старики снова пришли к тому месту, чтобы принести в жертву теленка, отверстие в земле закрылось. Вскоре старик и старуха умерли. Еще одно место обнаружения клада – окрестности юрт Резимовых. Чтобы поднять сокровища на поверхность земли, здесь необходимо

было принести в жертву пеструю корову. После этого можно было получить столько денег, сколько вместит шкура животного. “На Верхней Лозьве, – пишет А. Каннисто, – два охотника шли вдоль берега реки, нога одного из них провалилась под землю. Когда охотник вытащил ногу, то в образовавшейся яме увидел много сундуков, а по обеим краям ямы двух леших. Для поднятия клада требовалась человеческая жертва. На Нижней Лозьве для этого приносили в жертву человека, белую лошадь или собаку” [Kannisto, 1958, S. 256 – 258].

Рассказы об обнаружении кладов бытуют и у современных хантов. Достаточно характерным является предание сынских хантов “Денежной девушки мыс”:

Рассказывают, что это было очень-очень давно. Жили муж с женой и была у них единственная, любимая дочь, для нее они копили богатство, но девушка заболела и умерла. Родители сильно оплакивали дочь и все, что они накопили, решили отдать своей дочери: насыпали полную сорочку монет и положили в гроб тело умершей дочери. Сделали это тайно, чтобы никто не видел. Похоронили девушку на мысу на правом берегу р. Несь-юган. Проходили годы, не раз вырастал лес, его вырубали, а он снова вырастал... Разрушилось со временем деревянное надгробие, сгнили доски, скоро и следов не осталось, только небольшая полянка, поросшая травой. Стали замечать люди, что на этом мысу на полянке, если попрыгать, слышится звук, напоминающий звон монет. Многие искали спрятанные сокровища, но только в особые дни доброму и нежданному человеку раскрывала свои двери земля, выходила девушка и дарила человеку золотые и серебряные монеты. С тех пор и называют этот мыс *Охан эви нел тай* “Денежной девушки мыс” (Запись Е.И. Тыликовой от А.И. Конкиной, пос. Овгорт).

Сынские ханты, обнаружив клад, приносили в жертву оленя, часть крови которого выливали на место клада. По словам одного из информаторов, его прабабушка некогда нашла в земле клад, но “тогда пожадничали, не принесли жертву, и клад разошелся по рукам, почти все пропало”. Найденные (“посланные свыше”) вещи считались родовым имуществом, они переходили в категорию “святых” вещей, их нельзя было класть с умершим в могилу или продавать. Благодаря именно этой традиции древние бронзовые и серебряные изделия сохраняются на протяжении десятков лет в хантыйских семьях.

Описание находок

1. Фигурка всадника на коне (рис. 1). Бронза, литье. Таежное Приобье, VIII – X вв. Размеры 5,5 × 5 см. Всадник сидит на коне боком, лицом и ногами к зрителю. Левой рукой держит узду коня, показанную цепочкой круглых, рельефно переданных бугорков. Аналогичным способом выполнен шлем, рельефной полоской – пояс. Лицо всадника круглое, глаза и рот широко раскрыты. Фигурка коня установлена на специальной платформе. На изделии имеются следы позднейшей

Рис. 1. Всадник на коне.

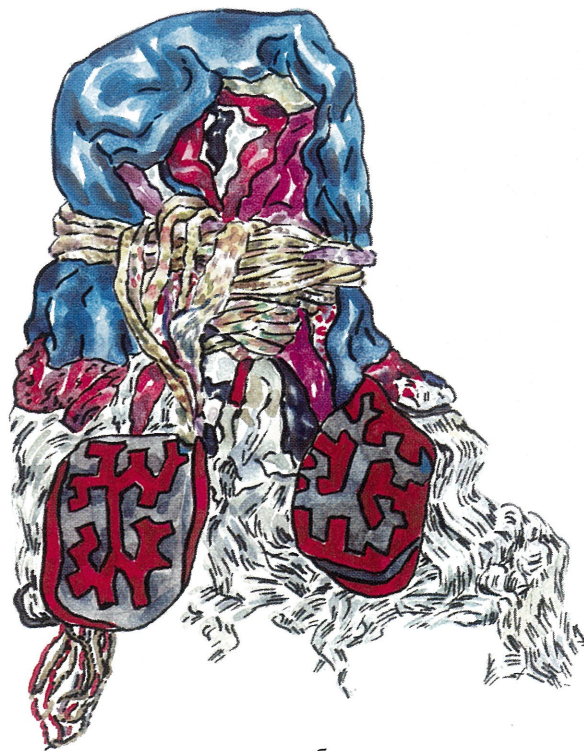
доработки: тщательно выпилены уши коня. Изображение всадника было обнаружено в 1990 г. в пос. Турват-пауль в верховьях Северной Сосьвы. На задней (“священной”) стороне жилого дома была устроена полка, на которой находился чемодан с изображениями трех семейных духов-покровителей. Внутри “головы” одного из них, обозначенной узлом из нескольких платков, и был завязан всадник [Гемуев, Бауло, 1999, с. 18]. О похожем случае использования древних артефактов в обрядовой практике манси писал в 1930-е гг. В.Н. Чернецов: “... в Нерге один старик поехал однажды с сетками, и в одну сетку попалась фигурка человека на лошади из бронзы. Он решил, что это *Вит хон пыг* (сын Водяного царя. – А.Б.), взял ее и сделал домашним идолом” [Источники..., 1987, с. 242].

Следует обратить внимание на левую часть фигурки: правая рука всадника, на первый взгляд, лежит на крупе животного. Но в этом случае непонятно, почему за четырьмя ногами коня следуют еще две “опоры”? Бронзовая фигурка выполнена достаточно аккуратно, чтобы считать это литейным браком. Возможно, автором показана убитая лисица, которую охотник везет на крупе коня. Тогда то, что можно было принять за кисть руки, скорее и есть лисья голова. Известно, что у обских угров существовала традиция изображать *Мир-сусне-хума* (младшего сына верховного бога *Нуми-Торума*, культурного героя) на коне, круп которого покрыт лисьей шкурой [Прыткова, 1949, с. 378]. В данном случае можно говорить о том, что бронзовая фигурка всадника отражает представления древних обитателей Западной Сибири об облике и “экипировке” *Мир-сусне-хума*.

2. Бронзовая антропоморфная фигурка (“вождь”). Таежное Приобье, VIII – X вв. Отлита в плоской одно-сторонней форме. Размеры 6,7 × 2 (вверху) и 6,7 × 3,2 см (внизу). В руках, сведенных на поясе, чаша. Плечи

а

б

Рис. 2. Хантыйский дух-покровитель.

а – сердцевина изображения – бронзовый “вождь”, б – фигура духа-покровителя.

закрыты широкими пластинами. Голова вытянутая, лоб, глазницы и нос выдаются над плоскостью лица, создавая впечатление надетой маски. Голова покрыта убором, косы (с кистями на концах) которого спускаются с двух сторон. На шее – гривна. “Вождь” одет в длинную рубаху, из-под которой видны двупалые конечности. Фигура с двух сторон фланкирована узкими полосками металла. На оборотной стороне из-

а

б

в

г

Рис. 3. Фигурки медведей.

а – из пос. Тугияны; б, в – из пос. Ясунт; г – из пос. Юхан-курт.

делия в районе головы имеется петелька для подвешивания (рис. 2, а). Изображение обнаружено в 2000 г. в пос. Анжигорт (р. Малая Обь) на чердаке дома, где в “святом” сундуке находилась фигура женского духа-покровителя. Ее сердцевинкой была описанная фигурка, “одетая” в маленькую распашную шубу из белого оленьего меха. Поверх шубы было накинуто 10 – 12 больших платков, перевязанных несколькими шерстяными поясами. Одевание дополняли миниатюрные рукавицы со стилизованными изображениями медведей – достаточно необычная деталь костюма для божества (см. рис. 2, б). Очевидно, что найденная бронзовая фигурка была определена ее новым хозяином как изображение легендарного бо-

гатыря-предка и в качестве предка-покровителя продолжила свою “службу”. Несколько неожиданная смена пола при этом может быть объяснена либо косами “вождя”, которые могли ввести в заблуждение ханта-рыболова, либо тем, что с течением времени фигурка перестала быть видна ее хозяевам под многочисленным слоем платков и некогда бесполой дух стал восприниматься как женская фигура.

3. Бронзовая полая фигурка медведя (рис. 3, а). Размеры 6,5 × 4 см. Отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована. Медведь стоит на плоском рифленом основании; верхняя часть спины и передние лапы орнаментированы псевдовитым кантом; торс украшен рельефными валиками. На спине –

отверстие. Найдена в 1998 г. в пос. Тугияны (р. Обь). Изображение находилось в доме внутри “святого” сундука в свертке из нескольких узких длинных лент светлой материи. В мифологии обских угров медведь (Священного города Старик) являлся одним из крупнейших божеств, местом его пребывания считались Вежакарские юрты на Оби. Практически любое объемное изображение медведя, будь то русская игрушка или даже стеклянная винная бутылка в виде животного, воспринималось хантами и манси как воплощение этого духа-покровителя и попадало в состав культовой атрибутики. Проезжавший через Сибирь в Пекин в конце XVII в. посланник И. Идес описал случай, когда к ним на судно пришли остяки и увидели медведя – игрушку с заводным механизмом. Когда ее завели, остяки совершили обычные для верующих обряды и попросили продать медведя, чтобы сделать из него “шайтана” [Идес, Бранд, 1967, с. 94]. Нередко таким фигуркам подносили в качестве дара первые лесные ягоды, т.к. медведь – *ягодник*.

4, 5. Изображения медведей (пос. Ясунт, р. Ляпин; материалы 1999 г.). Первая бронзовая фигурка, запечатлевшая двух медведей, отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована (рис. 3, б). Размер 7 × 4,3 см. Большая фигура, по всей видимости, медведица, стоит на плоском основании в виде фигурки медвежонка, повернутого лицом к матери. Медведица раскрыла пасть и языком вылизывает мордочку медвежонка. Обе фигуры украшены рельефными валиками, спина медвежонка срезана. В спине медведицы – отверстие.

Вторая медвежья фигурка бронзовая, полая внутри (рис. 3, в). Размеры 6,5 × 4 см. Медведь стоит на плоском рифленом основании; от передних лап к голове основание загибается дугой. Торс медведя украшен рельефными валиками. Задние лапы сливаются с нижней частью спины. В спине – отверстие.

Данные фигурки хранились в составе “святых” вещей в сундуке на чердаке дома. Лежавшая под крышкой красная лента была завязана на концах и в середине в три узла. В первом находились серебряные монеты середины XIX – начала XX в., во втором – фигурка медведя, медные и серебряные монеты выпуска 1870 – 1932 гг., в третьем – двойная фигурка с привязанной 10-копеечной монетой выпуска 1813 г.

Все вышеописанные фигурки медведей по аналогичным находкам в Западной Сибири [Зыков и др., 1994, с. 95] могут быть датированы X – XII вв.

6. Зооморфная пронизка. Отлита из бронзы в двусторонней форме с сердечником, отполирована (рис. 3, г). Размеры 4,6 × 3,7 см. Перед нами, скорее всего, фигура медведя, рвущего зубами добычу. На спине животного – отверстие. Нижняя часть изделия отломлена, в месте слома – три выступа, которые

можно трактовать как фрагменты головы и лап фигуры неизвестного зверька. Можно, впрочем, предполагать, что эти выступы служили перемычкой к основной части рукояти ножа или посоха, а фигура медведя была ее навершием. Подобные образцы бронзового литья найдены в ряде могильников Западной Сибири и датируются VIII – XI вв. [Там же, с. 91].

Пронизка обнаружена в хантыйском поселке Юхан-курт (р. Малая Обь; материалы 1999 г.). Завязанная в суконную ленту, она хранилась в составе приношений семейным духам-покровителям.

7. Бронзовая фигурка козла, стоящего на горизонтальном основании (рис. 4). Тажное Приобье, IX – XI вв. Размеры 6,6 × 4,5 см. Отлита (с браком) в двусторонней объемной форме с сердечником. Нижняя часть живота с обратной стороны украшена полоской “жемчужин”. Между рогами и на спине – отверстие. Фигурка была подвешена в связке из лисьих шкур на чердаке одного из домов пос. Ямгорт (р. Сыня; материалы 2001 г.). Обские угры приносили в жертву духам-покровителям разных рангов лисьей шкуры, в данном случае ценность подарка была увеличена за счет необычной и древней находки.

8. Бронзовая подвеска (пос. Мужы, р. Малая Обь; материалы 2001 г.). Прикамье, XIII – XIV вв. Размеры 8,2 × 9,7 см (рис. 5). Основа подвески в виде сопоставленных голов коней выполнена отливкой в плоскую одностороннюю форму, отполирована. В “головах” – круглые отверстия, в нижней части – пять отверстий, в которые вставлены трех- и пятизвенные цепочки с лапчатыми привесками (одна утеряна в последние годы). Подобные подвески широко известны по находкам из Прикамья [Оборин, Чагин, 1988, с. 143]. Изделие найдено в составе клада, в настоящее время используется как украшение мужского охотничьего пояса.

9. Изображение гуся (рис. 6, а). Хранилось на дне “святого” сундука в пос. Оволингорт (р. Сыня; материалы 2000 г.). Отлито из белой бронзы в объемной двусторонней форме с сердечником. Тажное Приобье, X – XII вв. Размеры 10,5 × 9 см, ширина в нижней части 2,2 см. Относится к наиболее крупным объемным образцам средневекового западносибирского литья. Литник обломан. Ряд линий доработан ножом. С боков туловище украшено двумя псевдовитыми шнурами и двумя рельефными валиками. В спине имеется отверстие. Показаны уши, большой широкий плоский клюв, глаз обведен глубоким желобком. Клюв и грудь птицы соединены рифленым столбиком. Грудь гуся выполнена в виде широкого птичьего клюва, что вместе с расположенным рядом “глазом” позволяет предполагать, что художник запечатлел в одной фигуре два образа. В этом случае рифленый столбик мог означать хохолок птицы (рис. 6, б).

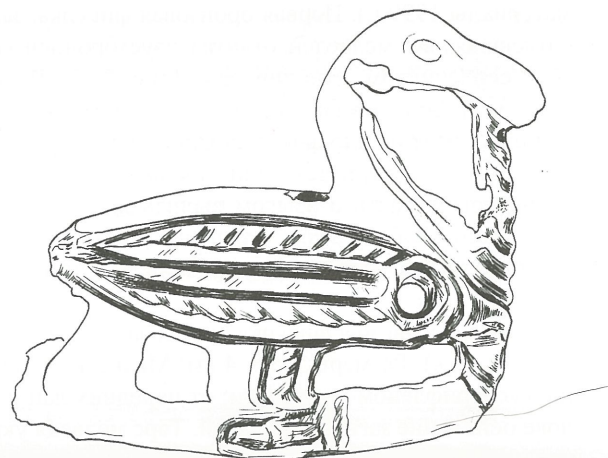
Рис. 4. Фигурка козла.

Рис. 5. Коньковая подвеска.

а

б

Рис. 6. Изображение гуся.

а – бронзовая фигурка, б – второй образ (заштрихован).

Массивность фигурки гуся, возможно, подчеркивает особую значимость этого животного в мифологических представлениях древнего населения Западной Сибири. *Медный Гусь* к моменту прихода русских в Сибирь являлся одним из трех наиболее почитаемых местным населением идолов: “Гусь боготворимый идол их баше, изваян от меди в подобие гуся; име скверное жилище в юртах Белогорских при великой рыке Обе” [Новицкий, 1941, с. 60]. Хорошо известно, что одним из обликов крупнейшего божества региона Небесного всадника *Мир-сусне-хума* /*Мув-верты-ху* была птичья (гусиная) ипостась. Во время смутного периода в минуты опасности бога-

тырь принимал вид гуся и улетал прочь, “этим и объясняются так часто встречающиеся среди священных предметов изображения гусей, сделанные из золота, серебра или другого металла” [Гондатти, 1888, с. 18 – 19].

10, 11. Две фигурки птиц (сборы 2001 г.). Отлиты из серебра в одной двусторонней объемной форме с сердечником, поверхность отполирована (рис. 7, а). Размеры 4,5 × 2,8 см. Птица стоит на полукруглом основании, соединяющем клюв и лапы; часть основания украшена перлами. Крылья и хвост разделаны валиками, глаза обведены глубоким желобком. На спине отлита трубочка. Аналогичным способом

а

б

Рис. 7. Фигурки птиц.

а – из пос. Пословы, б – из пос. Вершина Войкара.

оформлены гривы и хвосты конских фигурок IX – XII вв. из пос. Овгорт [Сокровища Приобья, 1996, с. 69]. Похожая фигурка птицы из Ишварских юрт на Малой Оби опубликована В.Н. Чернецовым [1957, табл. XVIII, 6]. Описываемые мной вещи были найдены в конце 1930-х гг. в пос. Ямгорт (р. Сыня) в составе клада, который включал серебряный ритон [Бауло, Маршак, 2001] и около 20 бронзовых фигурок (в т. ч. несколько лошадок). В последние годы хозяйка “птичек” (пос. Пословы, р. Малая Обь) хранила их в мешке для швейных принадлежностей (тутчан).

12. Бронзовая фигурка птицы. Размеры $3,6 \times 3$ см (рис. 7, б). Отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована. Глаза обведены глубоким желобком, крылья и перья переданы валиками. На спине и в лапках (для подвески) – отверстия. Похожие полые пронизки VI – VIII вв. известны по находкам из Пермской обл. [Оборин, Чагин, 1988, с. 73]. Изделие найдено в составе клада. Хранилось в лабазе

Рис. 8. Серебряная фигурка “орла” на охотничьем поясе.

в берестяной коробке среди женских “святых” вещей (пос. Вершина Войкара, р. Войкар; материалы 2001 г.).

13. Серебряная фигурка птицы – “орла” (пос. Овгорт, р. Сыня; материалы 2001 г.). Размеры $7,8 \times 3,2$ см. Отлита в объемной двусторонней форме с сердечником, поверхность отполирована. Фигурка птицы находится в середине полой трубки, на обоих концах которой имеются шары с тремя отверстиями. Трубка орнаментирована имитированным витым кантом с рядом выпуклых прямоугольников между витками. Когти лап птицы оформлены в виде кольца, крылья и хвост разделаны валиками, в центре крыльев – орнамент из перлов. Наиболее близкий аналог (больших размеров) – бронзовая пронизка с фигурой птицы IX – XII вв., также найден в пос. Овгорт [Сокровища Приобья, 1996, с. 68]. Находка в ряду многочисленных бронзовых изделий западносибирского средневекового литья трех серебряных фигурок птиц (№ 10, 11, 13) достаточно необычна. Известны единицы серебряных блях, относящихся к древним культурам Нижнего Приобья [Там же, с. 78 – 79]. Возможно, изделия из “священного” металла отливали для представителей уже сложившейся местной знати.

Изображение “орла” было найдено в составе клада: во второй половине XIX в. прапрабабушка нынешнего хозяина фигурки плыла с мужем на лодке по р. Сыня из одного поселка в другой. Путники сделали остановку, вышли на берег и заметили, как в траве что-то блеснуло. Они разрыли землю и нашли клад: несколько медных котлов, серебряное блюдо, “орла”, шумящую подвеску (см. ниже, № 15). В последние годы фигурка используется как деталь (оберег) мужского охотничьего пояса: она перешла к сыну с пояса отца и в дальнейшем будет передаваться по наследству (рис. 8). Пояс обычно хранится на “святой” полке в сенях дома (локальная тради-

ция запрещает хранить вещь внутри жилого пространства, найденную в составе клада – “вне дома”). Особое отношение к фигурке вытекает, в частности, из того, что предок-покровитель данной семьи выступает в образе птицы (кукушки).

14, 15. Бронзовые подвески. Найдены в составе двух разных кладов. Первая подвеска выполнена в виде птицы. Ее размеры $2,3 \times 2,5$ см (рис. 9, а). Фигурка отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована, орнаментирована валиками. Похожая “уточка” XIII – XIV вв. была найдена на Сайгатинском I святилище [Зыков и др., 1994, с. 97, № 144]. Вторая подвеска шумящая. Ее размеры $4,5 \times 3$ см (рис. 9, б). Щиток отлит в односторонней подтреугольной форме, в нижней части – три круглых отверстия для продевания, в верхней – одно для крепления. Подобные подвески были широко распространены в Западной Сибири во второй половине I тыс. н.э. (см., например: [Чернецов, 1957, табл. XXVIII, 1 – 5, 8]). Описываемые образцы используются в современной практике в качестве украшений и оберегов на женских мешках для хранения швейных принадлежностей (пос. Вытвозорт, р. Сыня; материалы 2001 г.).

16. Бронзовая антропоморфная фигура (пос. Вершина Войкара; сборы 2001 г.). Размеры $17,2 \times 2,1$ см. Отлита в плоской односторонней форме, литник не убран (рис. 10). Подобные находки весьма немногочисленны и датируются последней четвертью I тыс. до н.э. [Зыков и др., 1994, с. 131] или же второй половиной I тыс. до н.э. – первой четвертью I тыс. н.э. [История северной цивилизации, 2001, каталог № 22, 24].

Предмет по форме представляет собой узкую фигурку рыбы с выделенными плавниками и хвостом. Вместе с тем центральный образ – вытянутая антропоморфная личина в шлеме, длинный нос, глаза, рот и края головного убора которой показаны валиками. Безусловно, перед нами образ “богатыря-рыбы” или, скорее всего, Водяного царя, известного в обско-угорской мифологии под именем *Вит-хона*, хозяина водных просторов, рек и озер. Устья рек, каменистые перекаты и глубокие омуты связывались в религиозном сознании манси и хантов с грозным *Вит-хоном* и его дочерью *Вит-хон-Аги*. Жертвоприношения Водяному царю совершали на крутых берегах рек, рядом с большими глубинами [Гемев, Сагалаев, 1986, с. 101 – 103]. Описываемая фигурка хранилась в разрушенном временем “святом” лабазе. Она представляет собой сердцевину изображения духа-покровителя, который был “одет” в несколько подпоясанных халатов (на момент обнаружения они практически сгнили). Между халатами были обнаружены серебряные и медные монеты выпуска 1752 – 1801 гг.; скорее всего, именно в это время фигура была найдена и превращена в семейного покровителя.

17. Бронзовая зооморфная фигура (пос. Оволингорт, р. Сыня; материалы 2000 г.). Таежное Приобье, VIII – X вв. Размеры 10×2 см. Выполнена в технике плоского литья. Представляет собой вытянутую фигуру животного (рыбы?) с крупной головой и коротким хвостом (рис. 11). Спина вдоль позвоночного столба украшена кантом из перлов, бока рифленые. В мифологии манси известны персонажи, сочетавшие в своем облике черты реальных животных и фантастических существ (например, рогатая щука), в частности, таинственных обитателей водных глубин, не имеющих собственных имен. Чаще всего их называют *куль* “черт” или *ялпынг-уй* “священный зверь”. Последнего в ряде мест описывали как животное с длинным округлым телом, заостренной головой и гребнем на спине [Там же, с. 103]. Возможно, в данной бронзовой фигурке древний сибирский мастер воплотил свое представление об одном из необычных речных обитателей. Найденный много позже момент своего изготовления *ялпынг-уй* был легко опознан и вместе с преподнесенным ему лоскутом материи положен к “святым” атрибутам в культовый амбарчик. В дальнейшем к нему обращались с просьбами о содействии в рыбной ловле и защите от несчастных случаев на воде.

18. Бронзовая рукоять ножа (пос. Анжигорт; материалы 2000 г.). Размеры $10 \times 3,5 \times 1,5$ см. Изделие отлито в двусторонней форме с сердечником, отполировано (рис. 12). Втулка граненая, в середине – рельефный валик, за ним – вытянутый с закруглением в верхней части лепесток с “перлами”, ограниченный двумя псевдовитыми кантами. Во втулке сохранился фрагмент железного лезвия, покрытый ржавчиной. Завершает декор рукояти фигурка птицы. Подобные изделия, изготовленные в Таежном Приобье в IX – XII вв., неоднократно описаны в литературе [Зыков и др., 1994, с. 91, 104; Сокровища Приобья, 1996, с. 59 – 63, Тыликова, Бауло, 2001, с. 132; и др.]. В древности ритуальные ножи и кинжалы с рукоятями, украшенными изображениями зверей и птиц, скорее всего, использовали жрецы при заклании жертвенного животного. Найденные спустя много лет в обвалах берегов рек или на месте старых городищ, эти предметы воспринимались как оружие легендарных богатырей и в этом качестве попадали в состав культовой атрибутики. Описываемая рукоять ножа лежала на дне “святого” сундука на чердаке дома.

19. Пряжка с изображением головы козла и двух пушных зверьков по бокам (пос. Ямгорт; материалы 2001 г.). Бронза, литье (рис. 13, а). Размеры $9 \times 4,5 \times 1,5$ см. Изделие с неподвижным приемником отлито в односторонней форме, наружная сторона отполирована. Щиток, значительно согнутый вдоль длинной оси, с трех сторон обведен псевдовитым кантом. Орнамент на большей части рамки приемника стерт.

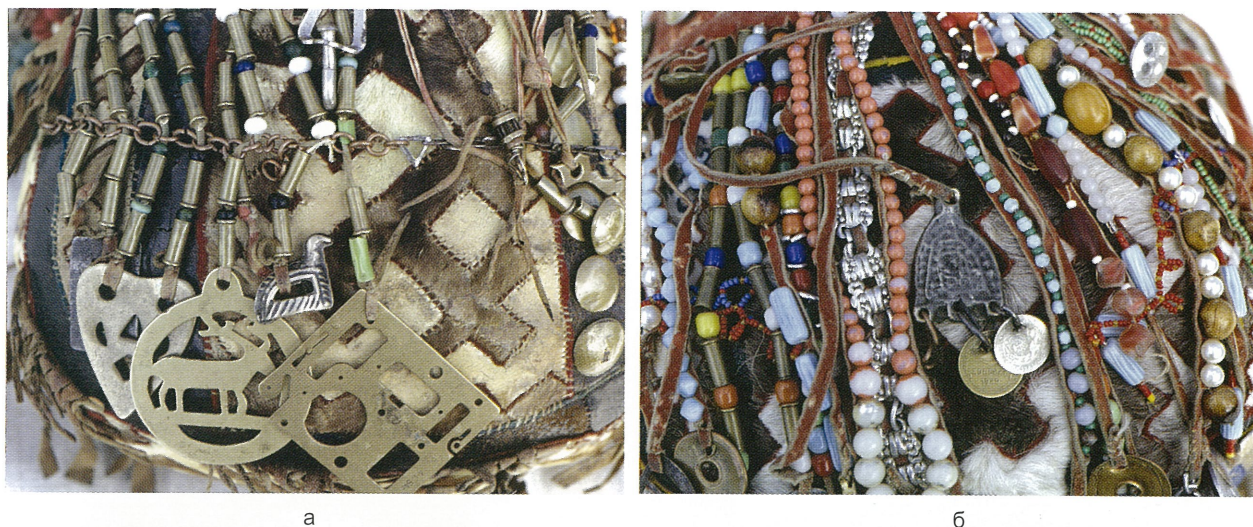

Рис. 9. Подвески на женских швейных мешках.
а – фигурка птицы, б – шумящая подвеска.

Рис. 10. Бронзовое изображение Водяного царя.

Рис. 11. Бронзовое изображение обитателя водных глубин.

Рис. 12. Рукоять ножа.

Подобные пряжки с изображениями разных животных, изготавливали в Западной Сибири в VIII – XIII вв. [Чернецов, 1957, с. 207 – 208; Финно-угры и балты..., 1987, с. 319, 339; Зыков и др., 1994, с. 135 – 136; и др.]. Пряжка из Ямгорта являлась вложением в “голову” духа-покровителя, который хранился в “святом” сундуке на чердаке дома (рис. 13, б). По праздникам семейное божество угощали – подносили к его “лицу” куски рыбы или мяса. В результате лицевая сторона пряжки покрылась толстым слоем жира.

20. Медная литая бляшка (пос. Хорьер, р. Сыня; материалы 2000 г.). Диаметр 5,7 см. Лицевая сторона оформлена тремя concentric circles (рис. 14, а), оборотная – гладкая. На ней еще в древности было выгравировано семиголовое чудовище, стоящее над фигурой неизвестного животного (рис. 14, б); оставшееся пространство многократно заштриховано (следы многочисленных магических ритуалов). В Усть-Полуе (вторая половина I тыс. н.э.) найдено несколько подобных бронзовых дисковидных бляшек

а

б

Рис. 13. Дух-покровитель семьи.

а – сердцевина изображения – бронзовая пряжка, б – фигура духа-покровителя.

а

б

Рис. 14. Медная бляшка.

а – лицевая сторона, б – гравировки на оборотной стороне.

(диаметром 4 – 5 см), украшенных concentрическими окружностями, на оборотной стороне которых имеются гравированные антропо- и зооморфные изображения [Чернецов, 1953, с. 135 – 137]. По краям бляшки

из Хорьера пробиты два отверстия; сквозь одно была пропущена нить, крепившая изделие к жертвенному платку. Хранилась в качестве дара божеству в культовом амбарчике на поселковом святилище.

Заключение

Образцы древнего бронзолитейного и серебряного производства обские угры находили, как видим, в последние двести-триста лет нередко и воспринимали либо как материальные свидетельства существования легендарных богатырей предков, либо как абстрактное послание свыше, знак удачи и особой благосклонности к человеку со стороны небесных сил. В любом случае дальнейшая судьба этих предметов была связана с семейными священными атрибутами. Одна часть металлических изделий осела на дне “святых” сундуков и со сменой поколений оказалась скрытой от людей, другая – прямо или опосредованно (через фигуры духов-покровителей) до сих пор продолжает играть важную роль в ритуально-обрядовой практике хантов и манси. В зависимости от многих обстоятельств (способа обнаружения, характера изображения и пр.) конкретная судьба археологических артефактов сложилась по-разному. Они стали почитаться как изображения божеств (всадник, “вождь”, медведи, гусь, “богатырь-рыба”, *ялтынг-уй*) или их атрибутов (рукоять ножа), использоваться в качестве оберегов на мужских охотничьих поясах и женских швейных мешках (серебряный “орел”, птицы, коньковая и шумящая подвески), с их помощью делали более значимой жертву (зооморфная пронизка, фигурка козла, медная бляшка). Подобный феномен свидетельствует о наличии многих точек соприкосновения на одной территории двух культур – археологической и этнической.

Список литературы

- Бауло А.В., Маршак Б.И.** Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 164 – 172.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М.** Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1984. – С. 62 – 80.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культурные места XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: Б.и., 1888. – 91 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Идес И., Бранд А.** Записки о русском посольстве в Китай. – Иркутск: Наука, 1967. – 404 с.
- История северной цивилизации:** Каталог выставки. – СПб.: Методологический консультационный центр, 2001. – 17 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.** – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – 280 с.
- Лапина М.А.** Этика и этикет хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – 115 с.
- Новицкий Гр.** Краткое описание о народе остячком. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. – 107 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.
- Прыткова Н.Ф.** Жертвенное покрывало казымских хантов // СМАЭ. – 1949. – Т. 11. – С. 376 – 379.
- Сирелиус У.Т.** Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – 344 с.
- Сокровища Приобья.** – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.
- Тыликова Е.И., Бауло А.В.** Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 127 – 134.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья.** – М.: Наука, 1987. – 510 с.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953. – № 35. – С. 121 – 178.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136 – 246.
- Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 S.

Материал поступил в редколлегию 06.09.01 г.

Измаил Нухович Гемуев

1 июня 2002 г. исполняется 60 лет Измаилу Нуховичу Гемуеву, доктору исторических наук, одному из крупнейших специалистов в области этнографии Сибири. Его путь в науку был непростым: окончив в 1962 г. Пушкинское радиотехническое училище войск ПВО, он стал кадровым офицером и собирался связать свою дальнейшую жизнь с армией. Но тяга к знаниям, страсть к неизведанному уже через несколько лет привели его вновь на студенческую скамью – на этот раз Томского государственного университета, который он окончил в 1972 г., успешно защитив диплом по специальности “история”. Затем И.Н. Гемуев работал преподавателем истории и политэкономии в ряде средних специальных учебных заведений, а также обучался в заочной аспирантуре ТГУ. В студенческие и аспирантские годы научным руководителем юбиляра была выдающийся исследователь традиционной культуры коренных народов Сибири доктор исторических наук Г.И. Пелих, вырастившая целую плеяду высокопрофессиональных этнографов. Вслед за ней в 1978 г. И.Н. Гемуев пришел работать в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Здесь в 1980 г. под руководством Г.И. Пелих он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную семейной организации селькупов. С 1983 г. районом исследований И.Н. Гемуева является Нижнее Приобье, а научная биография связана с изучением традиционного мировоззрения манси. Созданный им Приполярный этнографический отряд на катерах, моторных лодках и в пешем походе прошел весь бассейн одной из крупнейших рек Западной Сибири – Северной Сосьвы. После работ В.Н. Чернецова в 1930-х гг. этот регион считался изученным, более того, малоперспективным в плане научных открытий в силу, казалось, успешного промышленного освоения Севера в 1950 – 1970-х гг. Опубликованная в 1986 г. И.Н. Гемуевым совместно с А.М. Сагалаевым монография “Религия народа манси. Культовые места. XIX – начало XX в.” стала настоящей сенсацией: авторы смогли посетить более десятка уникальных

святилищ и глубоко проанализировать данный феномен традиционной культуры манси. Особый раздел работы был посвящен ранним формам религиозной практики обских угров, реконструируемым на основе сравнительного анализа данных археологии и этнографии.

В 1990 г. И.Н. Гемуев опубликовал книгу “Мировоззрение манси: Дом и Космос”, в которой блестяще проследил связь традиционных представлений об устройстве Космоса с культовой атрибутикой жилища древнего сибирского народа, выявил семантику образов богов и духов, определил наиболее значимые для человеческого бытия персонажи мансийского пантеона. Значительное место в монографии было уделено взаимодействию митраизма в его угорском варианте с верованиями древних уральцев.

В 1991 г. И.Н. Гемуев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и вскоре был избран заместителем директора Института археологии и этнографии СО РАН по научной работе. В 1992 г. в Институте был создан сектор этнографии Сибири, который И.Н. Гемуев с тех пор бессменно возглавляет. В секторе успешно ведется подготовка этнографов высокой квалификации – кандидатов и докторов наук, в т.ч. для национальных образований Сибири. Под руководством И.Н. Гемуева защищены одна докторская и семь кандидатских диссертаций, он является научным руководителем аспирантов из Томска, Бийска, Абакана, Новосибирска. И.Н. Гемуев, занимая должность профессора кафедры всеобщей истории Бийского государственного педагогического института, активно работает в сфере высшего образования.

В 1992 – 1995 гг. И.Н. Гемуев руководил созданным в Институте археологии и этнографии СО РАН научно-коммерческим центром. Прекрасно налаженный научно-туристический бизнес с партнерами из Германии и Швейцарии, великолепные выставки музейных коллекций института в Японии, Республике Корея, Австралии во многом стали результатом самоотверженного, смелого и талантливого труда юбиляра и его коллег.

В 1998 г. И.Н. Гемуеву было присвоено звание “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

Сегодня И.Н. Гемуев возглавляет крупное научное направление – изучение этнокультурной истории коренных народов Западной Сибири. Он автор и соавтор более 100 научных работ, в т.ч. 7 монографий. Его исследования имеют широкое международное значение и входят в корпус мирового финно-угроведения. Результатами научного анализа И.Н. Гемуева стали конкретные рекомендации по возрождению и развитию национальных культур Сибири.

И.Н. Гемуев является заместителем председателя Ученого совета и членом диссертационного совета Института археологии и этнографии СО РАН, заместителем главного редактора журналов “Археология, этнография и антропология Евразии” и “Гуманитарные науки в Сибири”, членом Президиума ассоциации этнографов и антропологов России.

В юбилейный год сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН желают юбиляру здоровья, долголетия, новых творческих успехов и научных открытий.